

Глава 13

Новый год прошёл безрадостно. Атмосферу праздника поддерживали лишь заранее развешанные красные фонари. Вернувшиеся из Северных Покоев были измотаны. Ночные бдения у гроба, а затем поминки на седьмой день — всё это выжало из них последние соки. Хорошо, что это продлилось всего несколько дней.

Вернувшись, Миньюй проспал целый день и только к вечеру смог подняться.

Остальные были в таком же состоянии.

Когда он встал, в комнате было уже темно. Он протёр глаза — все ещё спали. Словно привидение, он вышел на улицу и увидел Цзинчжэ, сидевшего на крыльце.

Миньюй подошёл и увидел, что тот при свете заката... вяжет... перчатку?

— С чего это ты занялся таким бесполезным делом?

Миньюй сел рядом.

— Жун Цзю снова принёс мне подарок, мне неудобно, вот я и спросил, что он хочет.

Он усердно пыхтел над работой.

— И он захотел это? — Миньюй покачал головой. — Были бы кожаные — другое дело. А вязаные — так себе.

— По одежке протягивай ножки, — спокойно сказал Цзинчжэ. — У меня нет денег на хорошую кожу, но я могу сделать всё, что в моих силах.

— Значит, ты уже договорился с закупщиком? — догадался Миньюй. Эта вязаная перчатка была лишь образцом.

— Как грубо, — Цзинчжэ бросил на него косой взгляд. — Но я действительно договорился с Чжэн Хуном. Когда он будет выходить, то купит мне кусок кожи. Деньги я ему уже отдал, остальное — за труды.

— Зачем ты связался с Чжэн Хуном? Этот парень помешан на деньгах, ещё подсунет что-нибудь не то.

— Потому что в последние полмесяца по расписанию только он, — вздохнул Цзинчжэ.

Выбора не было.

Отдавая деньги, Цзинчжэ грозно пригрозил, что если тот посмеет его обмануть, он его во второй раз оскопит.

Надеюсь, ради своего драгоценного достоинства Чжэн Хун не поддастся соблазну.

Миньюй расхохотался так громко, что разбудил спящих в комнате. Он упал на плечо Цзинчжэ, протирая глаза.

— А я тебе говорю, — пробормотал он, уткнувшись в спину Цзинчжэ, — раз Жун Цю так к тебе ходит, значит, ты ему очень нравишься.

— Что ещё за «нравишься»? — не отрываясь от работы, сказал Цзинчжэ. — Он просто слишком добрый, из-за такой мелочи всё время извиняется...

Миньюй схватил его за подбородок и повернул к себе.

— Ты говоришь, он добрый? — его круглые глаза уставились на Цзинчжэ.

Цзинчжэ позволил ему держать себя и спокойно кивнул.

— Из-за такой мелочи столько раз приходиться и извиняться — разве это не от большой доброты?

Миньюй потерял дар речи.

Он заподозрил, что Цзинчжэ ослеп.

Вспомнив те немногие встречи и лицо Жун Цю, Миньюй изменился в лице и сердито ущипнул Цзинчжэ за щёку.

— Твоя старая болячка опять разыгралась, да? Наверняка ты думаешь, раз он красивый, значит, и хороший, и правильный!

Цзинчжэ почувствовал себя виноватым.

Он нерешительно покачал головой и, воспользовавшись моментом, когда Ую окликнул Миньюя, с молниеносной скоростью сбежал!

Миньюй кричал ему вслед, но не мог догнать, и от злости топнул ногой.

Ую, зевая, вышел на улицу.

— Что вы тут шумите? — он только что проснулся от смеха Минъюя.

— Смотрю на глупого щенка, которого уводят на куске мяса, — процедил сквозь зубы Минъюй.

Ую сразу понял, что речь о Цзинчжэ.

— Дедушка Дэ ещё не встал? — он решил не вмешиваться в их бессмысленные ссоры. — Так устал, нужно беречь себя.

— Дедушка Дэ и Матушка Мин, должно быть, ещё спят. Саньшунь и Хэ Е тоже не выходили, — протёр лицо Минъюй.

Если уж молодые не выдержали, то что говорить о Чэнь Миндэ и Матушке Мин. Когда они вернулись, их пришлось поддерживать под руки, и с тех пор они не вставали.

Но они ошибались.

Матушка Мин уже проснулась.

Она сидела в тёмной комнате и без выражения смотрела на стоявшую перед ней на коленях Хэ Е. Та со страхом и трепетом массировала ей ноги. После долгих коленопреклонений ноги у Матушки Мин плохо ходили.

— Хэ Е, ты ведь всегда была послушной, правда? — рука Матушки Мин легла на голову Хэ Е. Голос её был мягким, но Хэ Е вздрогнула.

Она ещё ниже опустила голову и с трудом проговорила:

— Матушка, я всегда буду вас слушать.

Рука Матушки Мин скользнула по щеке Хэ Е, поднимая её голову. В полумраке лицо Матушки Мин выглядело особенно жутко — застывшее, безжизненное, но пытающееся изобразить улыбку. Её лицо уже не могло выражать живых эмоций, и от этого становилось ещё страшнее.

Хэ Е было очень страшно, но она заставляла себя не двигаться.

— Тогда матушка поручит тебе одно дело. Сделаешь хорошо — будет награда. А не сделаешь...

Матушка Мин усмехнулась, и от этого смеха по коже пробежал мороз.

— Ты же видела, что стало с Цайжэнь Яо... В этом дворце так много способов умереть тихо и незаметно.

Чжэн Хун принёс Цзинчжэ кусок выделанной, обработанной кожи, причём очень хорошего качества, гладкой на ощупь.

Получив его, Цзинчжэ несколько раз с удивлением осмотрел.

Чжэн Хун обиделся и ударил его в плечо.

— Цзинчжэ, ты что, мне не доверяешь?

— Я просто смотрю, не с запада ли сегодня взошло солнце... Ты и не обманул!

— Не хочешь — верни! — вспылил Чжэн Хун.

Цзинчжэ отступил, прижимая кожу к себе. Чжэн Хун был щуплым и не мог её отнять.

— Тебе повезло, — сердито сказал он. — Я встретил охотника, который спешил домой, вот и не стал торговаться. — К тому же, этот негодяй Цзинчжэ пригрозил лишить его мужского достоинства. Как тут осмелишься обмануть?

Этот тихоня, когда злится, становится совсем не тихим. Как евнух, он должен понимать ценность этого самого достоинства!

Чжэн Хун что-то бормотал себе под нос, но, выпив несколько чашек горячего чая у Цзинчжэ, успокоился и поспешил уйти.

Он жил далеко в Северных Покоях, и с закупщиком Чжэн Хуном его связывало лишь то, что они поступили во дворец в один год и вместе проходили обучение.

Чжэн Хун был жаден до денег и не брезговал подзаработать на своих обязанностях. Иногда, если Цзинчжэ что-то было нужно, он тайно просил его купить.

Нечасто, боясь быть пойманным.

На этот раз он обратился к нему, чтобы купить хорошую кожу для перчаток Жун Цзю.

Хоть и говорят, что по одежке протягивай ножки, но в пределах своих возможностей Цзинчжэ хотел сделать всё как можно лучше.

Он понёс кожу к себе и по дороге разминулся с Хэ Е. Он не видел её лица, но слышал едва различимые всхлипывания.

Цзинчжэ инстинктивно остановился и увидел, как Хэ Е поспешно вышла за узкие ворота.

Вернувшись, он запер кожу и нашёл Ую.

— В последнее время Хэ Е всё ещё часто бывает у Матушки Мин?

Ую кивнул.

— Цайжэнь Яо умерла, так что Хэ Е, конечно, вернулась. Матушка Мин говорит, что ей с ней удобнее всего.

— Мне показалось, я видел, как она плакала, — с сомнением сказал Цзинчжэ.

— После болезни характер у Матушки Мин стал совсем невыносимым... — вздохнул Ую и понизил голос. — Хуже, чем у Цайжэнь Яо раньше.

Цзинчжэ нахмурился, беспокоясь за Хэ Е.

Хэ Е была немного высокомерна, как и Чаншоу, и больше всего мечтала выбиться в люди. Она очень заботилась о своей внешности и редко теряла самообладание.

Ожог — это одно, но идти по дороге и плакать — это уже серьёзно.

— Только не вздумай из доброты своей ей помогать, — появился за их спинами Миньюй и строго сказал. — Она тебя презирает, а Матушка Мин тебя уже подставляла. К ним обоим лучше не приближаться.

Ую зажал ему рот.

— Зачем ты так громко?

Чэнь Миндэ и Матушка Мин не ладили, и их подчинённые, естественно, разделились на два

лагеря. Но одно дело — думать, и совсем другое — говорить так открыто.

Цзинчжэ кашлянул и быстро сменил тему.

— ...Слышал, на днях на дворцовом пиру Вдовствующая императрица хотела, чтобы Его Величество провёл отбор наложниц... это правда?

Чаншоу, увидев их, тоже подошёл и как раз услышал слова Цзинчжэ. Он с подозрением посмотрел на него.

— С каких это пор тебя такое интересует?

— Только что Чжэн Хун рассказал, — спокойно ответил Цзинчжэ.

Они все знали Чжэн Хуна.

Чаншоу поднял бровь, недовольный, что не он первый сообщил эту новость. Он без особого энтузиазма кивнул.

— Да, в гареме Его Величества хоть и есть красавицы, но место императрицы пустует. Вдовствующая императрица беспокоится и хочет, чтобы Его Величество провёл отбор. Может, увидев больше красавиц, он изменит своё мнение?

— Наложниц в гареме действительно немного, — сказал Ую. — Может, и правда проведут. Цзинчжэ, как думаешь?

Цзинчжэ завёл этот разговор, чтобы отвлечь внимание, и ему было всё равно. Он небрежно ответил:

— Должны провести.

На самом деле, Цзинчжэ надеялся, что отбор состоится.

Ведь у него было задание номер четыре.

Возможно, в последнее время ему действительно везло. Не успел закончиться первый месяц нового года, как император Цзинъюань, по желанию Вдовствующей императрицы, объявил о проведении отбора.

Указ пришёл внезапно, и сроки были назначены на третий месяц весны. Поэтому успеть могли в основном дочери столичных чиновников. Отбором занималась Вдовствующая императрица.

Дочери столичных чиновников пятого ранга и выше, достигшие пятнадцати лет, могли участвовать.

Отбор наложниц был тесно связан с гаремом и привлёк всеобщее внимание.

Дворец Сюсю спешно привели в порядок и заново украсили.

Цзинчжэ не беспокоился, что вещь Цайжэнь Яо найдут. Если она что-то прятала, то сделала это много лет назад. Хоть и непонятно, почему она выбрала дворец Сюсю, но если бы это можно было найти, то уже давно бы нашли.

Цзинчжэ был готов к худшему.

Ведь с тех пор, как он столкнулся с этой проклятой системой, ни одно задание не прошло гладко.

В этом он на свою удачу не полагался.

Но как раз в тот момент, когда работа подходила к концу, в Северных Покоях случилось новое несчастье.

Хэ Е умерла.

Услышав эту новость, Цзинчжэ опёрся о колонну и глухо спросил:

— ...Ты говорил, нужно избавиться от дурного глаза... как это делается?

Почему в последнее время в Северных Покоях одна беда за другой?

— Столько дней в траурном зале провели, — пробормотал Ую. — Тут и здоровый заболает...

Хэ Е умерла в своей комнате.

Служанки жили в лучших условиях, по двое в комнате.

Хэ Е жила с Ханьдань. Утром Ханьдань увидела, что та лежит в своей кровати, и удивилась, что она не у матушки Мин. Когда она пошла её будить и дотронулась, то поняла, что тело уже остыло. А у Хэ Е изо рта текла чёрная кровь — явный признак отравления.

Самоубийство служанки — тяжкое преступление, которое могло навредить её семье. Но если

это отравление... дело принимало другой оборот.

При отравлении трудно сразу определить, было ли это самоубийство или убийство. Поэтому об этом доложили наверх.

Во дворце Шоукан Вдовствующая императрица, прижимая руку ко лбу, вздыхала.

В это время в её покоях сидел император Цзинъюань.

Сидел с непроницаемым лицом.

Вдовствующая императрица бросила на стол очередной свиток с изображением красавицы и с раздражением посмотрела на стоявшую на коленях служанку.

— Опять Северные Покои! Сначала умерла цайжэнь, теперь служанка! Как там вообще следят за порядком!

Она явно вымещала на ней свой гнев.

Гнев от того, что Цзинъюань её игнорировал.

Служанка понимала это, но всё равно боялась.

— Зачем Вдовствующей императрице гневаться из-за этого? — небрежно сказал Цзинъюань. — Поручите это дело... — он, казалось, задумался. — Поручите это Вэй Хайдуну.

— Такое мелкое дело, зачем беспокоить командира Вэя? — сказала Вдовствующая императрица. — Ничего страшного.

Но Цзинъюань уже поднялся и, бросив «так и поступим», ушёл.

Руки Вдовствующей императрицы задрожали. Она скомкала свиток и стиснула зубы от злости. Стоявшая рядом матушка поспешила её успокоить, боясь, что та от гнева лишится чувств.

— Неродной сын, сколько ни воспитывай, всё без толку! — с ненавистью сказала Вдовствующая императрица. — Ладно, всё готово?

— Всё устроено, — поклонилась матушка. — По расчётам, они уже должны быть на подходе к столице и успеют к отбору.

Лицо Вдовствующей императрицы прояснилось. Она холодно посмотрела в ту сторону, куда ушёл Цзинъюань.

Рано или поздно...

Он слетит с этого трона!

— Кхэ-кхэ-кхэ...

Чэнь Миндэ, кашляя, сжимал табакерку.

— Пусть расследуют.

Саньшунь, услышав это, послушно вышел.

Только что к Северным Покоям прибыли люди для расследования смерти Хэ Е. Матушка Мин сослалась на болезнь, так что разбираться пришлось Чэнь Миндэ.

По всем правилам, он должен был выйти к ним.

Но перед этим Чэнь Миндэ ещё некоторое время сидел в комнате, вдыхая нюхательный табак, и наконец вздохнул.

Седых волос у него, казалось, стало ещё больше.

Надев шапку, он вышел на улицу. Яркий свет заставил его зажмуриться.

Когда закрываешь глаза, слух обостряется.

— ...Цзю, как ты здесь оказался?

— По делу.

Этот голос... почему он такой знакомый?

— Расследуешь дело Хэ Е?

— Да.

— ...Проходи сюда...

Сердце Чэнь Миндэ тяжело ухнуло, словно его схватила невидимая рука, и ему стало трудно дышать. Он резко распахнул глаза и, оглядевшись, остановил свой мутный взгляд на высоком стражнике.

Рядом с ним стоял Цзинчжэ и с улыбкой что-то говорил.

А тот человек...

Сначала Чэнь Миндэ прищурился, а затем его глаза расширились от ужаса, готовые вылезти из орбит. Он, пошатываясь, схватился за дверной косяк, слыша, как бешено колотится его сердце.

Это...

Это...

Высокий стражник повернулся, и его прекрасное лицо, холодное, как иней, скользнуло по Чэнь Миндэ. Тот онемел и рухнул на землю, не в силах вымолвить ни слова.

Как... как это возможно?

Это лицо он никогда бы не забыл, но и... никогда не должен был здесь увидеть!

Цзинчжэ выглянул из-за спины Жун Цзю и с удивлением увидел, как какой-то стражник помогает Чэнь Миндэ подняться. Он хотел было подойти, но Жун Цзю остановил его.

— Цзинчжэ.

В его равнодушном голосе послышались нотки интереса. Он слегка улыбнулся.

— Где мой подарок?

Цзинчжэ обернулся и, дёрнув его за рукав, прошептал:

— Как можно говорить об этом при начальстве?

Он помнил, что Жун Цзю вошёл вместе с кем-то.

Он поспешно оттащил Жун Цзю подальше от Чэнь Миндэ и начальника, так быстро, что тот едва устоял на ногах.

Отойдя в сторону, Цзинчжэ с улыбкой сказал:

— Помню, осталось совсем немного. — Он показал пальцами, а затем с беспокойством добавил:
— Но тебя так долго не было, я не знаю размер твоей руки. Сейчас измерим, если малы, ещё можно распустить...

Его тихий голос щекотал слух.

Словно пёрышко.

Жун Цзю поднял бровь.

— Ты не помнишь размер?

Он протянул руку.

Цзинчжэ, глядя на его большую ладонь, растерялся:

— Откуда мне помнить?

Пальцы Жун Цзю сжались. Он небрежно положил руку на поясницу Цзинчжэ.

— Значит, это я ошибся.

Цзинчжэ замер, а затем, поняв, покраснел до ушей. Словно ошпаренный щенок, он отскочил в сторону и, стоя на безопасном расстоянии, смущённо и сердито посмотрел на Жун Цзю.

В такой панике и стыде кто бы запомнил размер?!

Мы же договорились забыть и больше не вспоминать!

Негодяй

<http://bllate.org/book/16993/1583191>